

НАША СТРАНА

ЕЖЕНЕДЕЛЬНАЯ ГАЗЕТА
ОСНОВАНА И. Л. СОЛОНЕВИЧЕМ

“NUESTRO PAIS”

SEMANARIO MONARQUICO RUSO

Registro Nacional de Propiedad Intelectual Nº 949917

Editor - Director

TATIANA K. DE DUBROWSKY

Monroe 4219, Dpto. 10

1430 Buenos Aires

Argentina

Correo
Argentino
Suc. 30 (B)

FRANQUEO PAGADO

Concesión Nº 4233

Concesión Nº 3980

INTERES GENERAL

AÑO XXVIII

Buenos Aires, martes 11 de Mayo de 1976

Буэнос Айрес, вторник 11 мая 1976 г.

№ 1367

П. СОКОЛОВ

ВАРЯГИ

ПО КНИГЕ “СИМФОНИЯ РУСИ”.

Ныне приходится лишь изумляться да разводить руками над тем, что величия, подобные Ключевскому, Соловьеву и Платонову, могли воспринять такую убогую мысль, как норманнская теория создания русской культуры и государства. Я не разделяю их ибо они неразделимы: всякое государство создается на основе определенной культуры. Историческая наука знает много ляпусов и даже прямого мошенничества; достаточно взглянуть хотя бы на то, что пишется в СССР; но одним из самых глупых и невероятных ляпусов является, конечно, эта самая теория. У себя, кроме разбойничьих банд, норманы ничего не создали, а вот, в чужой и непроходимой дикой, по их заявлениям, стране создали культуру! И чего не было, а приехала кучка этих темных разбойников, магически преобразила душу многочисленного, многоплеменного и крайне-свободолюбивого, по сообщениям древних авторов, народа, уже существовавшего тысяч лет, и создала могучее государство! А разбойников этих пригласили сами, только-что ограбленные ими и выгнанные их люди... И такую чушь, вслед за немцами светилами, повторяли крупнейшие русские авторитеты, которым, казалось бы, и самим надо было подумать. Ведь это подобно тому, что вот, де, команда капитана Кука ничего не могла создать у себя на родине, а прибыла к папуасам и в течение нескольких лет создала из них культурное государство. Ну, уж, а за авторитетами потянулась всякая мелкая сошка.

Все это понятно в устах разных Шлецеров и Амальриков, ненавистников России, но как это уложить рядом с такими столпами исторической мысли? Загадочно?..

А ведь никакой загадки нет. Вот, лежит Влесова Книга десятки лет на руках у нескольких любителей, вместо того, чтоб находиться в витринах и хранилищах академий наук. Может пропадать — или уже пропал — драгоценный архив А. Кура в Сан Франциско, в котором могут быть ответы на основные вопросы в связи с Влесовой Книгой, и тщетно было мое обращение к тамошней обществу, принять хоть какие-то меры к его сохранению, — не отозвалась ни одна душа! Могла какая-то «немка» уничтожить подлинник этого уникального документа, — как уничтожались все остальные подлинники на Руси и за границей. Что же мы можем предпринять всем этим шлецерам, кунникам и томседам и их жалким русским подголоскам?..

А есть: русское сознание. Почему же не проявили его вышеуказанные три столпа русской науки? Ведь не только логика, — остались все же и кой-какие документы — у нас и у других народов.

Все потому же, по той же подлой нашей инерции, и по привычке палить глаза на Запад: там только можно услышать истину. Посмотрите, на кого, на чей авторитет ссылаются русские подголоски в своих заключениях: на свой разум? Как бы не так; вы утонете в чужих именах: Шлецер, Браун, Эверс, Рейц, Готье, Фасмер, Бартольд, Арне, Кунинг, Вестберг, Нидерле, Гельзер, Розен, Штритер, Кулишер, Томсен, Миллер, Плейскер, — все они надменно решали вопросы нашей истории, а русские недоноски лишь ссылались на их авторитет. Когда же

рождались свежая и независимая мысль, (Ломоносов, Геденон, Гаркави), то она или упорно заматывалась или так же надменно давилась. И расцветало фантастическое дерево лжи и клеветы, полное яду и вражды к русскому народу. «Прародина славян — правый берег Припяти», — непроходимые болота. «Норманы раньше славян проложили путь по Волге в Каспий», — по реке, которая даже и в древности называлась иногда Славянской или Русской. «С Дунаем славяне познакомились лишь через германцев». «Венды — германские племена». «Грамоту русам подарил византийский император». «Земледелие русы научились от оливийских греков». «Русская культура создана норманами»... Какой-то гнусный поток грязи и самооплевания — даже со стороны виднейших представителей так называемой «науки». Не удивительно, что по Геродоту наши предки питались сосновыми шишками... Почему бы нашим профессорам не подтвердить такое веселое известие?

Тут мы видим след того всеобщего самоотвержения, которое вылилось потом в диком пароксизме революции.

Норманисты не задумываются или во всяком случае не отвечают на такой простой и естественный вопрос: если русскую культуру создали норманы, то почему она так резко отличается от культуры западной, почему в ней нет никакого «скандинавского» мотива? Ведь эта разница очевидна для всякого сколь-нибудь понимающего человека. Но норманисты отмалчиваются.

Земля для русов была святой, ее целовали при клятве. Если она была святой, то как могло быть не свято ее имя? Как мог бы рус так легко и попросту принять для нее чужое, вражеское имя? Если рус благоволил перед памятью своих предков, то как он мог бы не почитать их имени? Как он мог бы сразу воспринять чужое, скандинавское имя, оставаясь на родной земле и в родных условиях?

Мне скажут: «Значит, вы совершенно отвергаете авторитеты?» Отвечу: марксисты явно — еще большее идиотство по мысли и зверство по действию, а его тоже поддерживают знаменитые профессора и академики, короли и архиепископы. А это как?

Ничего не говорит звание трезвому человеку. Разные бывают академики. Вот, был академик Лысенко; он советовал сажать по 50 жолудей на квадратный метр. Вот-то роскошная была бы роща! Норманская теория совершенно убога по мысли, ложна по основаниям, оскорбительна для сознания и чувства русских людей и не соответствует ни логике, ни историческим фактам. Даже летопись — и ту эти авторитеты понимают как-то странно.

Год 859: «Имаху дань Варязи из Заморья на Чуди и на Словенех, на Мери и на всех Кривичах; а Хозари имаху на Полянах и на Северех и на Вятчихах...» Лежит Русь, разодранная на куски, мутная, вздорная и бессильная.

Год 862: «Изъгнаша Варязи за море и не даша им дани и начаша сами в себе володети; и не бе в них правды... Идоша за море, к Варягам, к Руси, сиче бо си зваху тыи Варязи Русь, яко се друзии зовутся Свое (шведы), друзии же Урмане (норманы или германцы), Англяне, друзии Гъти (готы)».

Как будто бы ясно говорит летописец, что под именем варягов шли многие

ВЛАДИМИР РУДИНСКИЙ

ПАЛАДИН ОБВЕТШАЛОГО ЗНАМЕНИ

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО СЕРГЕЮ РАФАЛЬСКОМУ

Дорогой Сергей Милич!

Перед какой аудиторией вызываете Вы меня на состязание, грозясь как дважды два четыре доказать, что феодализм и социализм нетленно сохранили для сердца России все то же обаяние, как в радостную, навсегда Вас опьянившую, незабвенную «весну семнадцатого»?

Перед эмигрантской? Но не она ли шлет Вам письма, через редакцию «Нового Русского Слова», многочисленные — и редко хвалебные... Взойди Вы на эстраду массового эмигрантского собрания, — верите ли Вы сами, что Вас встретят аплодисменты... а не свист?

Вы презираете эмиграцию, к которой иронически адресуетесь: «Ваши Сиятельства, Ваши Светлости...» Беда лишь та, что против Вас протестуют не сиятельства, а рядовые люди, в целом, — хлебнувшие больше нужды и горя, чем довелось Вам, почтеннейший Сергей Милич.

Или Вы предпочитаете дискуссию перед населением СССР? Но ведь — трудно это отрицать! — наш народ в свое время не оценил аргументы «главоуговаривающего» и к е р е н щ и н а стало и осталось, в его устах, скверным ругательством. Вряд ли вину за это, глупокоуважаемый Сергей Милич, можно взыскать на черта и его бабушку (если таковая существует...).

Социализм своею — а скорее чужою — кровью начертали Вы на щите и рветесь за него на бой. Но зачем бы я стал бороться с упырем, которому уже забили кол в грудь, которого уже заклили бесстрашным словом и Шафаревич, и Агурский, и Солженицын, и другие, — а их устами вся Россия? Ах, Сергей Милич! Грозным и мощным витязям бросаете Вы перчатку...

За себя же скажу, что мне социализм знаком по печальному опыту. Ваше поколение, играя с огнем, охмеляя себя звонкими фразами, увлекаясь беспочвенными мечтаниями, подготовило нам мир, куда мы попали с рождения. И мрачный, страшный это оказался мир... Милейший Сергей Милич! Уж лучше бы Вы нас не освобождали. Право же, «ужасы царизма» мы бы как-нибудь перенесли. Не столь уж они были и лютые. Вы же, благодарите Всевышнего, что настоящих-то ужасов на своей шкуре не испытали... Только не говорите мне, что это, мол,

не социализм; или не тот, не истинный социализм! Именно это и есть подлинный, доведенный до своего логического завершения социализм.

А впрочем, — где же он есть, социализм на Ваш вкус? В Швеции, где и впрямь едят до отвала и блудят вволю? Но человек не животное, — и страна дозволенного греха стала краем самоубийств, душевных болезней, хулиганства и смертоносной скуки.

Не нравится Вам, что народ желает решать свои судьбы по своему, а не как хотите Вы; и сразу же Вы его обвиняете в непонимании свободы. Что же, точка зрения как точка зрения. Но кто смотрит трезвее? Вот Вы любите цезарей; а нации за цезарей очень дорого расплачиваются: Наполеон и Гитлер равно привели в свои столицы русских солдат... Наследственные монархи, в конечном счете, обычно столь убыточны не бывают.

Вы спрашиваете, что же в Ваших завлекательных лозунгах устарело? А — всё. Они обернулись ложью и в них больше не верят. Обещали рай на земле, а вышел ад. Авторитаризм и православию, презираемые Вами, за многие века к таким результатам не приводили.

Кстати, не только в России. Вы ловко жонглируете терминами; но уточним: «в стране Гёте и Канта привел к концлагерям и газовым камерам» не национализм, а национал-социализм.

Вы трогательно рисуете нам февральскую революцию в образе гимназистки, изнасилованной громилами. Зачем же сия идеальная девушка вручила бандитам ключи от родного дома? и почему от них ждала возвышенного и бескорыстного рыцарства? Пускай бы эта прекраснородная барышня не занималась политикой!

Вы кончаете свою статью доводом, очевидно, убийственным на Ваш взгляд: «Весь свободный мир дышит социализмом». Долго ли ему дышать-то осталось? — вот вопрос. Уступает большевикам, унижается перед ними, заранее ими разбит, ибо перед ними трепещет.

Увы, Ваш свободный мир, — мир, свободный от Бога, от правды, от нравственности, — живет в уютно обставленной камере смертников; и живет он свои последние дни.

ВЛАДИМИР РУДИНСКИЙ

племена, в том числе и Русь; причем отдельно перечислены и шведы, и норманы, и англ и готы. Кто же тогда Русь? Почему она выделена из скандинавских племен?

Потому что авторитеты не хотят вспомнить про остров Рюген и про то, что все южное побережье Балтийского моря было заселено в те времена славянами, те есть «русью», ведший тот же образ жизни, как и соседи скандинавы. Не кровь их связывала, а местоположение у моря и общий обычай. При раскопках Плесненска (в Галиции) археолог Я. Пастернак вскрыл могилы с варяжским оружием и культурный слой с керамикой, характерной для балтийских славян. Очевидно, что и оружие и керамика пришли сюда с прибалтийскими славянами.

Прибыл в Киев, «рече Олег: се буди мати градом Русским. Быша у него Варязи и Словени и прочи, прозвашася Русью». И Соловьев пишет: «Любопытно, что по смыслу этого известия, Варязи и Славяне прозываются Русью только по утверждению в Киев», — и все же он

остается норманистом! Вот какова сила инерции! Нет ничего пагубнее в науке, как привычное, но ложное понятие: оно не дает уму двигаться. Как мог Ключевский заявлять, что города у славян были только по Днепру? Как мог не уследить, что слово «рус» упоминается многократно за долгие века до варягов? Для ума есть пределы.

«Слова «воры», «враги» и «варяги», (по Влесовой книге — «воряги»), — явно родственны по форме и содержанию. Во Влесовой К. это слово иногда пишется, как «вразе», — и невозможно понять, есть ли это враги или варяги. Там же мы увидим, что по началу это слово применялось к гетам, а потом, с расширением связей, распространилось на всех скандинавов, а потом перешло и на прибалтийских славян... В Славонии, например, есть город Вараждино — Варяжино. Название это — варяги — никак нельзя считать племенным; это — в о р у ж е н н ы й о т р я д, вражеская

РОМАН ГУЛЬ

ВСЕ ЛИ БЫЛО БЛАГОПОЛУЧНО В ДАТСКОМ КОРОЛЕВСТВЕ?

Известно, что 17-19 октября в Копенгагене, в здании парламента происходило Международное Слушание Сахарова, задачей которого было «представить на рассмотрение мирового общественного мнения факты нарушения прав человека на территории СССР за последние десять лет». Почему — за последние десять лет? Разве до этого советский человек «дышал вольно»? Но пусть так. Слушание все равно надо было приветствовать как некое, пусть незначительное, но все-таки пробужденное совести и разума у либеральной интеллигенции Запада.

Но, к сожалению, даже эта слабосильная попытка открыть глаза на насильническую и кровавую сущность коммунизма натолкнулась на непонятные странности. О слушании нами получена большая документация и есть свидетельства двух лиц присутствовавших на нем, так что в фактах и в комментариях мы вряд ли ошибемся.

В первый же день слушания произошла одна непредвиденная неприятность. Редактор «Русской Мысли» З. А. Шаховская, привезшая из Парижа текст обращения А. Д. Сахарова к слушанию, отказалась огласить его и покинула зал, заявив, что не прочтет текст Сахарова, если в составе жюри будет оставаться пастор Майкл Вурмбрандт, по приглашению Комитета приехавший из Америки.

Пасторы Ричард и Майкл Вурмбрандты известны не только в Америке, как непримиримые борцы против коммунизма. Они ведут большую христианскую антикоммунистическую работу в США, выпускают по-английски ценный документальный бюллетень «Голос мучеников», в котором дается материал о преследовании верующих в коммунистических странах. Кроме того о гонении на христиан (и вообще на верующих) в коммунистических странах — они выпустили много книг и брошюр. К тому же Ричард Вурмбрандт отбыл в тюрьму румынского КГБ (пресловутая Секюритате) 14 лет прежде чем вырвался на

свободный Запад. Мы глубоко уважаем антикоммунистическую бескомпромиссную борьбу за христианство и свободу пасторов Майкла и Ричарда Вурмбрандтов. И поэтому — в первый момент мы просто не поверили лежащим перед нами документам, говорящим, что именно пастора Майкла Вурмбрандта З. А. Шаховская, редактор антикоммунистической газеты «Русская Мысль», потребовала удалить из состава жюри, отказавшись огласить заявление Сахарова в его присутствии.

Как же отозвались члены Комитета на это заявление З. Шаховской? Увы, — на заседании по защите прав человека (и в первую очередь, конечно, права свободного слова человека) они насильнически (силой полиции) вывели из зала пастора Вурмбрандта и его жену Джудит. Этот факт, происшедший в «Датском Королевстве», в здании датского парламента, я расцениваю как скандал и позор. Хочу думать, что З. Шаховская не ожидала к какому безобразию приведет ее заявление. Ведь каждому ясно, что Андрей Дмитриевич Сахаров, с именем которого в данном случае было связано заявление З. Шаховской, — никогда бы в жизни не потребовал удалить (да еще полицейской силой!) кого бы то ни было из зала заседания, темой которого были права человека. Ведь на это слушание были приглашены даже представители компартии Дании. И против этого никто (и З. Шаховская тоже!) не протестовал. И — правильно! Пусть бы послушали в свободном мире показания бывших советских граждан!

Признаюсь честно, мотивов заявления З. Шаховской я не понимаю. И полагаю, что она общественно обязана всем нам, читателям «Русской Мысли», разъяснить их на страницах редактируемой ею газеты. Кто именно отдал приказание полиции вывести из зала слушания — антикоммуниста, христианина пастора Майкла Вурмбрандта — мы не знаем (очевидно председатель Комитета). Но мы знаем, что вскоре же после его насильственного удаления Комитет — «ин-

корпоре» (поняв безобразие этого факта!) обратился к М. Вурмбрандту с длинным письмом-извинением, текст которого раздавался всем присутствовавшим на слушании.

На следующий день слушания произошла странность другого порядка. Пять свидетелей — недавно приехавших из СССР — А. Григоренко, В. Балашов, Л. Квачевский, В. Файнберг и Б. Шрагин — подали в жюри письменное заявление о том, чтобы на слушании разбираемые вопросы нарушения прав человека не переходили в «политическую борьбу» против советского режима. Об этих пяти «господах из СССР», по-моему, правильно написал Н. Отрадин в «Н.Р.С.» (28. 11. 75), что они боялись больше всего, что их примут за антикоммунистов. Отметим, что один из «подписантов» уже раньше выступал в Зарубежье в этом же духе. В № 108 «Вестника РСХД» Б. Шрагин давал такие советы для успеха и процветания «Вестника». Журнал — «должен обезопасить себя от обвинений в антикоммунизме», «не нужно и в подтексте прятать маниакальное «Карфаген должен быть разрушен». От православного направления журнала Шрагин предлагал «Вестнику» отказаться: — «есть, надо признать, основания быть предубежденным против православия». Эта рекомендация Шрагина была бестактна, ибо Шрагин не православный. Другие рекомендации были также странны в своей сути, как странно заявление пяти на слушании Сахарова о правах человека в СССР. Разве бесправие советского человека не порождено природой однопартийной тоталитарной диктатуры? Мне кажется, «подписанты» чего-то не договаривают и делают вид, что не знают определения А. Д. Сахарова сути «советского общества». Сахаров пишет: — «Именно недостаточным пониманием того, что скрывается за фасадом советского общества, непониманием потенциальных опасностей советского тоталитаризма, объясняются многие иллюзии западной интеллигенции и, в конечном счете, уди-

вительные просчеты и неудачи западной политики» (А. Сахаров, «О стране и мире», стр. 7). А когда делается самая робкая попытка на слушании раскрыть глаза западной интеллигенции на «опасности советского тоталитаризма», то пять упомянутых «подписантов» своим заявлением пытаются защитить тоталитарный «советский строй» от какой-то «антисоветщины». Что это такое?

Еще более рьяно в Копенгагене ограла доброе имя «советского общества» г-жа Мария Снявская, прибывшая на слушание из Парижа «вместо своего мужа». Эта гогожа, беспрепятственно совершающая рейсы: Москва — Париж и обратно: — Париж — Москва — Париж, — отвечая на свидетельства о концлагерях бывших заключенных на Архипелаге ГУЛаг, заявила, что «здесь кидались миллионами, она же заявляет, что по подсчетам ее и ее мужа в советских концлагерях сейчас всего 10 000 человек. В книжке «Сахаров о себе» (А. Кнопф, Нью Йорк, 1974, стр. 19) Андрей Дмитриевич, говоря о сегодняшних концлагерях, пишет: «я обращаю внимание мирового общественного мнения на эту проблему, которая является жизненно важной для одного миллиона семисот тысяч заключенных». Как же называется заявление Снявской?

Бывшие заключенные на Архипелаге ГУЛаг, выступавшие свидетелями на слушании, утверждали даже, что на сегодня цифра советских заключенных колеблется между 3 — 4 миллионами человек. Г-жа Палатник (Израиль) показала, что только в украинских женских лагерях заключены 10 000 женщин.

Итак, все ли было благополучно в «Датском Королевстве» на слушании Сахарова? Думаю, что далеко не все. Но несмотря ни на что показания большинства свидетелей, бывших советских граждан, — Варди, Маркин, Панина, Шифрина, проф. Азбела, Краснова-Левитина, Класена, Бреседена и других дали потрясающую картину человеческого бесправия, насилия и террора коммунистической диктатуры. Эти показания должны быть опубликованы отдельной книгой на всех главных языках для просвещения людей всего мира о сути «советского общества».

РОМАН ГУЛЬ
(«Новый Журнал» № 121, декабрь 1975)

воинская сила, подобие которой мы находим в понятии «казаки».

Что мы знаем из истории скандинавов? Лет за 500 до Р. Х., (то есть примерно в пору переселения в Европу части славян, вытесненных скифами), несколько германских племен поселилось на Скандинавском полуострове. Только в 6-7 веках нашей эры началось объединение шведских племен, только в 11 веке создано единое шведское королевство. В том же веке скандинавы начали принимать христианство, — на сто лет позднее славян. Жили же они главным образом морскими набегами и грабежами, захватили Англию, часть Франции и через Средиземное море доходили до Византии. Похожи ли эти люди на создателей культурного государства?

Надо было быть совершенным идиотом, чтоб таких людей приглашать к управлению своим народом. А ведь не боялись; значит, знали, кого приглашали. Самое решение — призвать внешнюю вооруженную силу для наведения порядка, говорит о наличии сознания и гражданского мужества: а это — уже культура. С приходом варягов вопрос разницы культуры нигде не затрагивался, даже во В. К., так остро направленной против варягов; значит, язык был общий. Ведь пришел целый род, дружина, администрация; смешался бы язык непременно. Где следы такого смешения? Жалко видеть обсаживание отдельных слов разными авторами. Остался бы отпечаток на вере, обычаях, законах, преданиях, — не осталось никаких следов. Единственный обычай, перенятый от скандинавов, который осуждает В.К., — приношение человеческих жертв. Нет никаких норманских письменных документов, письменность различна. Отсутствует указание на племя Русь в Скандинавии. И нет никаких могильников, которые можно было бы полностью отнести к норманам. Отдельные предметы и захоронения ровно ничего не говорят: никто не отрицает присутствия на Руси отдельных норманов, а главное — норманизированных славян.

На всем пространстве Европейской России до сих пор не найдено ни одного клада, ни одного скандинавского кладбища. Найдены отдельные предметы, вроде мечей, могли быть куплены, при-

везены, отняты кем угодно. Как же такое могло случиться при «множестве» скандинавов, живших на Руси? Объяснение простое: эти «варяги» верили в того же самого Перуна, в которого верили и остальные славяне, и имели те же обычаи погребения. То есть были варягами из русов. Про них-то и говорит В. К., что зовут они Перуна Перкуном и приносят ему человеческие жертвы.

В древней Европе было племя *ре-ре-го-в* (ободричей) или *раури-го-в*, почти руриков. Мы знаем, что сочетание «ау» часто переходит в «у». Также было племя *тревергов*, — почти труворов; было и племя *неме-го-в*, а мы слово «немец» производим от слова «немой», не говорящий по-русски.

Новгородцы обсуждали возможность взять князя от дунайцев т. е. от придунайских славян, от полян, то есть славян киевских, от хазар, (конечно, от сурожцев, входивших в хазарский каганат; не могли же новгородцы приглашать к себе азнагов!) И — от варягов. Но три первые источника с несомненностью определяют и четвертый: от варягов-славян. Таковыми были лишь славяне Прибалтики — венды, одноплеменники новгородцев.

Как могли наши историки пренебрегать Иоакимовской летописью? Все по тому же зазнайству: «фальшивка», подобная В.К.. А ведь там дается вся генеалогия Рюрика. Сколько самого вопиющего вздору пишется этими людьми! «Неизвестно, когда и при каких условиях славяне подошли к Ильменю, можно только догадываться (!), что едва ли это было раньше 9-го века». (Спицын, Середонин и др.). «Исследователи приходят к следующему несомненному выводу: торговый путь через Волгу открыт скандинавами раньше, чем через Днепр». (А. А. Шахматов). «О более раннем знакомстве скандинавов с Волгой, чем с Днепром, говорят также В. Пархоменко, М. Грушевский, Ю. Готье, А. Погодин, Ф. Браун, С. Середонин, А. Спицын, Фасмер и Шеляговский». (Одинец). Вон их сколько нашлось — господ и прихлебателей злопыхателей. Одинец пишет проще: «Скандинавы не только раньше славян познакомились с Волжским торговым путем, но они создали здесь до-

прихода славян... первые формы государственной жизни», — от которых не осталось никаких следов! Этот научный подхалимаж крайне характерен для современного русского интеллигента.

Ибн-Хорданбе пишет не позднее 846-867 года: «Что касается купцов русских, они же есть племя из славян, то они ходят по реке Славонии, (Волге), в Хазарский залив. И Одинец комментирует: «К этому времени, значит, ослабление русов, оторвавшихся от своей родины, уже завершилось». Как все это уложилось в одинцовской голове, я не знаю, но бумага — увы — все терпит. Добросовестный же Гаркави утверждает, что пока неизвестно ни одного упоминания слова «норман» в древней арабской литературе, как не знали его и византийцы до 12 века.

Как парадокс или просто анекдот, тот же Одинец пишет: «Северные пришельцы были прежде всего менее культурны по сравнению с восточными славянами, успешными наладить у себя и устоявшийся быт и прочный государственный строй»; а в заключение — о «силе веками накопленных в славянских землях культурных традиций, так и о прочности государственных форм жизни, созданных восточными славянами в до-норманское время».

А древний кудесник рус напоминает своим слушателям, что уже много веков «наши отцы» жили по обоим берегам Волги; и археология доказывает это раскопками: по всему нижнему и среднему Поволжью и даже на Каме в сарматских погребениях уже с первых веков н. э. находятся вещи греческого происхождения; а П. Н. Третьяков сообщает, что и на Верхней Волге он раскопал славянское городище. Как трогательная деталь, звучащая поэта: в одном из погребений на северо-востоке была найдена костяная восьмитрубная флейта 3-го тысячелетия до н. э., — русский народный инструмент «жувичка». «Шведский ученый Арне доказывает, что прямые сношения с хазарской державой существовали до того, как славянские купцы стали принимать участие», (Одинец). — У-уф!.

Конечно, каждый имсет право выразить свое суждение; но когда оно противоречит логике и фактам, его называют вздором, а вздор отнюдь не всегда

безобиден: очень часто этот вздор говорит по умыслу. Где тут место авторитетности? Имена этих лиц могут вызвать только отвращение. А ведь вокруг них собираются и к ним примыкают массы пных имен, менее известных, но не менее вредных.

Чрезвычайно характерно отзывается о варяжских князьях один из кудесников: «НИКАКИЕ ОНИ НИ РУСЫ, ОНИ ПРОСТО ВОРЫ!». Эта короткая фраза — отрицание и является наилучшим доказательством правильности сообщения Иоакимовской летописи: значит, в народе признавалось русское происхождение князей, вот только моральным обликом они от русов отличались.

«Перед лицом этих тайн истории, перед лицом трагедий, переживаемых русским народом, очевидно, насколько учение об имени Руси, данное норманской теорией, не согласуется с его духовным смыслом и его священным значением. Чуждое русской душе, это учение, изобретенное пустым рассудком, считается лишь с поверхностью нашей жизни, не замечая помыслов древней веры народной, не внемля старой песне в русских сердцах... Прошлое наше стало восприниматься не как оплодотворяющее начало нашей жизни, а как мертвое место... Норманская теория заполнила эту пустоту, поставила преграду нашей памяти. Но другому: УКРАЛА у нас наше прошлое. Но «вторжение иностранцев не оживило мертвого места... Порождение чуждого и враждебного нам рассудка, держащего исследовать русскую историю без любви к ней... могла создать лишь суррогат понимания». — «Верный наш кладец, верный наш глубокий!» («Изгнание норманов» Н. Ильина).

ВЛЕСОВА КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ ОПУБЛИКОВАНА. Необходимо освободить русскую историю и русский народ от того поношения и клеветы, кои возложены на них веками усилий наших врагов. Авгиевы конюшни русской истории должны быть вычищены от того навоза, который остался в них от русских и нерусских жеребцов. Инсинуациям надо поставить предел, если мы хотим еще носить звание русского человека.

П. СОКОЛОВ

Только та страна и сильна, которая свято чтит заветы родной старины

Русское Зарубежье мало обратило внимания на издательскую деятельность за последнее пятилетие объединений Кадет Российских Кадетских Корпусов.

В 1970 году вышел, напечатанный в Канаде, сборник в 502 страницы под названием «Кадетские корпуса за рубежом. 1920 — 1945», в издании Объединения Кадет Российских Зарубежных Кадетских Корпусов в Нью-Йорке. Сборник редактировала редакционная комиссия в составе шести кадет под председательством А. М. Росселевича.

В введении указывается на значение Кадетских Корпусов в истории нашей Родины, начиная с 1701 года, когда была основана в Москве Школа Математических и Навигацких Наук, будущий Морской Корпус. К концу Первой Мировой войны в России насчитывался уже 31 Кадетский Корпус. После Гражданской войны, в Зарубежье оказалось три Корпуса: Русский, Крымский и Донской. Первый Русский Великого Князя Константина Константиновича Кадетский Корпус просуществовал до 1945 года. Сборник, разделенный на три части, посвящен этим трем корпусам. Множество фотографий, списки персонала и кадет, а главное, обстоятельные летописания жизни этих корпусов, написанные самими кадетами, сохраняют для нашей истории документальные данные единственного в своем роде проявления России за границей.

В 1971 году вышел первый номер «Кадетской Переключки», в издании того же Объединения, под редакцией П. В. Ольферьева. С тех пор вышло уже тринадцать номеров этого прекрасно изданного, интересного и содержательного журнала, который можно рекомендовать всем интересующимся историей культурной жизни нашего Зарубежья.

В «Кадетской Переключке» публику-

ются воспоминания о жизни в Кадетских Корпусах, а также дается информация о деятельности разных Кадетских Объединений. Приблизительно за это же время, проведено четыре Зарубежных Съезда Кадет, деятельность и решения которых тоже освещаются на страницах этого журнала.

В 1975 году вышел Сборник «Воспоминания кадет Донского Императора Александра III Кадетского Корпуса». Также прекрасно изданный, сборник имеет 590 страниц, с множеством фотографий.

Неправильно было бы думать, что эта большая издательская деятельность Кадет за рубежом имеет только лишь сентиментальное значение для самих кадет и их семей.

В одном из номеров «Кадетской Переключки» (№ 8, 1974 г.), имеются указания на «Интерес к прошлому Русской Армии» (так названа статья) в современной России.

Статья передает содержание Сообщения, сделанного Третьему Съезду Кадет А. Стацевичем. В статье сообщается, что в 1957 году Академией Наук СССР издана книга под названием «Очерки по источниковедению военной истории России», в которой дается обзор этой истории с древнейших времен и до войны 1914-1918 г. В книге перечислены названия всех полков Царской Армии, изданы свои истории или памятки, а также перечислены названия всех кадетских журналов и сборников.

А. Стацевич указывает, «что некоторое количество советских офицеров, правда очень небольшое, имеет возможность знакомиться с нашей военной литературой, издаваемой за границей, и которая читается ими с большим интересом, потому что в этой литературе, главным образом, и находится описание

✠ КОНЧИНА АРХИЕПИСКОПА САВВЫ

17-го апреля, в Лазареву Субботу, в Бозе почил преосвященный архиепископ Савва (в миру Ф. Раевский).

Покойный с 1955 года до 1969-го правил Австралийско-Новозеландской епархией Русской Православной Зарубежной Церкви. Пошатнувшееся здоровье в преклонном возрасте вынудило правящего архиепископа уйти на покой.

Владыка Савва завоевал большое доверие властей и различных общественных организаций, а также возглавителей и представителей инославных Церквей, установив с ними дружеские связи. Это позволило за четырнадцать лет управления архиепископа Саввы сделать в несколько раз больше того, что было сделано до него. При нем закончен постройкой кафедральный собор, построены ряд церквей, женский монастырь с оборудованным и доходным хозяйством, прекрасные дома общежития для престарелых, архиерейское подворье с музеем, библиотекой, Крестовой церковью, лекционным залом, школой и скаутской «берлогой» и ряд других просветительных, общественных и благотворительных заведений. Тысячи выпитых в Австралию из коммунистического Китая беженцев своим спасением обязаны владыке Савве.

Он умер скоропостижно в семейной обстановке попечительствовавших над ним супругов Стивен, в их скромном домике, послужившим в последние годы недужному пастырю убежищем от мирских волнений, захлестнувших и Церковь.

Будучи ревностной помощницей в делах, секретарь епархиального управления Н. М. Стивен не оставила Владыку и в болезни, проявив истинное подвизничество в уходе за двумя серьезно больными: Владыкой и своим мужем.

Владыка Савва тяжело переживал церковный раскол, не пощадивший и Австралию. Последним же ударом для него была кончина его Аввы — «настоящего борца за правду Божью» — как называл его владыка Савва, настоятеля джорданвилльского монастыря в Америке, архиепископа Аверкия, за которым в небесное лоно Господа, следом за ним, через несколько дней последовал и глубоко почитавший его ученик — владыка Савва.

Покойный был постоянным читателем и учителем «Нашей Страны».

Он похоронен в русской секции кладбища Руквуд, около Сиднея.

Проститься с почившим архиереем стекло множество народа.

А. М.

быта старой Русской Армии, то есть все то, что их интересует. Как пример, подтверждающий этот интерес, можно привести случай, когда несколько лет тому назад один эмигрант, бывший царский офицер, будучи туристом в Ленинграде, пошел «навестить» свое Константиновское Артиллерийское Училище, которое он в свое время окончил. В том же здании помещалось артиллерийское училище Красной армии. Он откровенно объяснил, кто он, и попросил разрешения осмотреть здание. Офицеры артиллеристы водили его всюду, все показывая и объясняя. В конце концов они пригласили его на обед и за обедом уже они расспрашивали его подробно обо всем, что касалось жизни старого училища. Есть сведения, что гвардейские полки Красной армии могут «пристегнуть» к истории своей части, историю какого-либо гвардейского полка Царской Армии. Это опять подтверждает то, что они хотят считать себя прямыми наследниками и преемниками старой Царской Армии». (Переключка № 8, стр. 63 и 64).

Несомненно, что издательская деятельность кадет за рубежом имеет главное значение тем, что она не только сохраняет для будущего военные кадетские традиции нашей Родины, но и яркими и сочными штрихами рисует жизнь и быт наших Кадетских Корпусов. Именно возрождение русской жизни во всех аспектах, жизни насыщенной идеологическим навозом, и является важнейшей предпосылкой для нашего будущего.

Alexander Werth, бывший во время Второй мировой войны иностранным корреспондентом в Москве, описывает в книге Russia at War, как в 1943 году были частично восстановлены кадетские корпуса в Советском Союзе, под названием Суворовских школ. Он говорит, что было основано девять таких школ, по 500 учеников каждая, для создания своего рода «военной касты».

Генерал-лейтенант Морозов, тогдашний начальник военных учебных заведений Советского Союза, как указывает А. Werth, писал: «Мы советуемся со старыми офицерами, которые получили свое образование в старых кадетских школах». Через год Werth имел возможность лично навестить одну такую

школу, где он наблюдал изучение не только военных предметов, но и «взыщных общественных манер и даже танцев старой школы: вальс, мазурка и па-де-катр».

Хотя зарубежные Кадетские Объединения и являются одной из самых сплоченных групп почвенной части нашего Русского Зарубежья, все же они неотвратимо обречены на постепенное физическое иссякание, так как нет притока новых пополнений. На одном из кадетских Съездов было сказано, что историю нашей эмиграции можно разделить на две части: когда еще продолжали существовать кадетские корпуса за границей и когда уже их больше нет. Передать лично кадетские традиции новым поколениям почти что невозможно, ибо они по своему характеру развиваются в рамках жизни закрытых учебных заведений. Но сохранение этих традиций и запечатление их должным образом несомненно будет содействовать их возрождению в свое время. И отродно чувствую, что все-таки стремление к возрождению заветов нашей родной старины является обоюдным, и с этой и с той стороны рубежа. Потому что, России не спасут ни эволюция, ни революция, а исторические мутации, то есть процессы вырождения идеологической беспочвенной диктатуры и одновременного возрождения живых сил нашего народа.

Будущий пятый всезарубежный Съезд Кадет Российских Кадетских Корпусов не может пропустить этой — может быть одной из последних — исторической возможности. Он должен обратиться к нашим соотечественникам военного звания, по ту сторону рубежа, с призывом постепенного, но настойчивого возрождения не только хороших манер, но и вообще наших народных военных традиций, для спасения нашего Отечества. Наша страна находится в тисках между внутренними идеологическими авантюристами и внешними недругами, и только народная армия, снова возвращающаяся на родную почву наших исторических традиций, сможет ее спасти от гибели. Именно кадеты обязаны напомнить кадетский лозунг, что «только та страна и сильна, которая свято чтит заветы родной старины».

Р. К.

АЛЕКСЕЙ РОСТОВ

МАКСИМОВ - ПАНИН - ПАЧИНИ

С 28-го по 30-е апреля состоялся в Риме в Палаццо делле Канчелерия, организованный «Фондационе Джиакино Вольпе» симпозиум на тему «Свобода историка между историей и современной политикой», на котором выступали выдающиеся писатели и ученые из различных государств Западной Европы и Америки. Среди них был приглашен редактор «Континента» Владимир Емельянович Максимов, что позволило мне лично с ним познакомиться в день его доклада 29-го апреля. Владимир Максимов, наш 45-летний писатель и публицист, просил меня передать благодарность редакции «Нашей Страны» за присылку ему газеты и выразить пожелание, чтоб редакция воздерживалась бы от помещения статей, резких по тону по адресу новейшей эмиграции. Содержание газеты он вполне одобряет и желает редакции новых успехов в подборе сотрудников и печатании всегда интересных статей.

Про себя Владимир Емельянович рассказал мне, что начал печататься на родине с 1952 года, когда вышел первый сборник стихов 24-летнего поэта, который потом перешел в прозу и стал одним из лучших наших современных прозаиков.

Выступавший на дневном заседании симпозиума перед Максимовым известный итальянский писатель Джанфранческо приветствовал предстоящее выступление после него великого русского писателя, хорошо известного итальянцам по переводу его произведений «Карантин» и «Семь дней творения». Это вызвало первые аплодисменты по адресу гостя, которые возобновились с новой силой, когда он направился к трибуне. Владимир Емельянович говорил по-русски и его доклад переводился по-итальянски фраза за фразой, вызывая все новые аплодисменты, особенно, когда он говорил, что коммунистическая язва безбожия поразила именно Россию, где народ настолько глубоко религиозен, что больше полувек безбожной тирании не смогли вытравить из него глубокие корни православной веры, которая сохранилась в народе и снова теперь предстает перед удивленным Западом и своими гонителями на родине.

Известный писатель Дмитрий Михайлович Панин, также благодаривший за присылку ему «Нашей Страны», просит редакцию сообщить на страницах газеты, что он, описанный А. И. Солженицыным в «В кругу первом» под именем Сологдина — ничего не имеет общего с П. Паниным, лично ему неизвестным автором, который печатается в газете. Читатели их путают и приписывают Дмитрию Михайловичу высказывания П. Панина, которые ему не принадлежат и он не разделяет.

Известный итальянский профессор Пачини, занимающий кафедру русской литературы в Неаполитанском университете, автор капитального труда на итальянском языке о литературных и политических работах Фонвизина (1935), занимавший ряд лет пост ректора, возмущен тем, что редакция позволила неизвестному ему автору, П. Панину, издеваться над ним («быть может он такой же Пачини, как я — Ахмет Зогу»). Проф. Пачини просит передать редакции уважаемой им русской честной и интересной газеты что он, всегда корректный в обращении и чистый морально, никогда не позволил бы себе в печати писать, что неведомый ему автор статьи «Подвижная координата» в № 1364 «Нашей Страны» может быть не П. Паниным, а каким-нибудь Пейсаховичем, о чем просит напечатать в газете.

Лично я знаком с профессором Пачини, блестяще говорящим по-русски, с 1952 года и встречаюсь с ним на симпозиумах и научных конференциях.

АЛЕКСЕЙ РОСТОВ

Из редакционной почты

«...Спасибо за вырезку о Солженицыне. Вашу просьбу написать статью об его «Письме из Америки» я исполнить пытался, но меня опередили Владыка Никон и С. Л. Войцеховский. Это и остановило мою попытку, так как к выступлению архиепископа Никона мне мало, что оставалось сказать, а то, что я мог бы прибавить, не опоздает в какой-нибудь будущей статье: мне хочется указать на «смягчающие вину обстоятельства» и предсказать избавление Солженицына от естественных и простительных заблуждений. Я это и сделаю, если сам Солженицын меня не опередит...»

АЛЕКСАНДР СУСЛОВ

Первым взглядом

Что можно сказать о первом взгляде? Что он, зачастую, ошибочен? Тороплив и невнимателен? И не случайно в литературном языке вовсе выражение «прямо» не существует, а присутствует только косвенно: «впервые», «с первого взгляда», или, как отдаленное эхо — «в первый раз»?

Все эти привычные понятия не выражают того, что чувствовал, как смотрел я на выпавшую далеко, внизу из облаков Австрию, тот «Запад», к встрече с которым готовился, чего ждал, как невозможно представить уже сейчас, уже вырвавшись, уже в безопасности. Пройдет совсем немного времени, и окажется, что опасности то, вроде, особенной не было, и «вырваться» именно сейчас легче, чем когда-либо, и многое еще окажется... Но это уже потом — оглянувшись назад, когда глыбы давящие на расстоянии станут меньше (для кого и вовсе сойдут за горизонт), а теперь передо мной был Запад. Вот и венский аэропорт пока еще неясно, серым стеклом показавшись, и машины только яркостью своей различимы. Вот уже из самолета вышли, на бетон аэродрома ступил — все, теперь, кажется, все — вот он, Запад. Дождя, дайте — к нему присмотрюсь...

Но, к сожалению, присмотреться не получилось, потому что Запад на этом самом и оборвался. То-есть вот так — был, а теперь нет. Вместо этого я услышал: «Товарищ Снегирев! Кто тут товарищ Снегирев?»

Согласитесь, когда едешь на Запад, особенно на такое приветствие не считаешь, иначе и вообще, зачем же уезжать было? А Снегирев, между тем, никак не отыскивался, и человек в дубленной шубе, с веселым уверенным лицом из-под пыжиковой шапки, еще долго толкал притихших австрийских туристов, напирая на «товарища». Ростом, как, нашел, вывел тоже притихшего Снегирева (не научился еще!) из толпы и скрылся с ним в стеклах аэропорта. А я все стоял и оглядывался, разыскивая этот самый Запад, куда он девался? И туристы ничем помочь не могли — на их лицах можно было увидеть все, кроме уверенности, что вернулись на родину. Да и где были-то — засомневался.

Над этим я задумывался и пропустил как-то слова встретившего нас, уже в здании, представителя, куда тише и скромнее поздравившего с прибытием в Свободную Страну. А ведь и об этом мечтал, и представлял себе эту встречу, но теперь не до того стало, сознаюсь, не понял и не прочувствовал, все заслонил

✱ Правление Обще-Кадетского Объединения в Аргентине с глубоким прискорбием извещает о смерти своего однокашника

ПОЛКОВНИКА ИНЖЕНЕРНЫХ ВОЙСК РУССКОЙ АРМИИ АНДРЕЯ АНДРЕЕВИЧА САГАЙДАКОВСКОГО

воспитанника Второго Оренбургского кадетского корпуса 16 го выпуска 1909 года, последовавшей 21 апреля 1976 года в г. Alta Gracia, Córdoba и выражает свое глубокое соболезнование жене, дочери, и зятю покойного.

Мир праху Твоему, дорогой однокашник!

Новое аргентинское военное правительство отменило распоряжение, по которому улица Монро была переименована в Brig. Gral. Don J. M. de Rosas (адрес Редакции «Нашей Страны»). Следовательно старое ее название в силе и адрес Редакции следующий:

TATIANA K. DE DUBROWSKY
MONROE 4219, Dpto. 10.
1430. BUENOS AIRES. ARGENTINA

с собой вопрос — где же он? Потерял и найти не могу. И винить некого: сам виноват, представил себе, чего и быть не может. Да и откуда взяться было тому верному обо всем, точному представлению — в той глубине, где все мы задавлены были? Расскажет разве, кто сам видел, да видят все разное, кому что хочется видеть. И правду ли скажут? — Нет, таких не пускают. Да и спросить обо всем разве решишься, а если согласишься, то почтнее, попорядочнее который — в той мере, какая у нас допускается. Невелика мера...

Слышал и радиостанции, здесь не скажешь — неправда, нет — верно все, да опять видит каждый, что хочется видеть, и уж обратного не заметит. А обратное это в глаза лезет. Как-то сразу оказалось, что в Вене, в «свободной стране», нет магазина, где можно купить «диссидентскую» литературу, а вот коммунистическую, да на русском языке — пожалуйста!). Почитать, правда, взять можно, какую хочется — не отравленную ядом лжи, так и то на частной квартире, с двух малых полочек. Но и в Москве, примерно, так же и выбор тот.

В Италии круг моих представлений расширился, да не настолько и не в том направлении, чтобы изменить сложившуюся картину. В Риме, в центре уж никак не нейтральной, а вполне «капиталистической» (по нашим все тем же, ущербным понятиям) страны, изображенные ехидно улыбающегося вождя в кепочке встретить можно никак не реже, а

*) Сообщил г-н Роговский из Толстовского Фонда, уж он-то знать бы должен. Значит, нет.

пожалуй, и чаще, чем в Москве в канун светлого праздника. Об эмблемах серпа и молота и упоминать не стоит — они везде, и не только у коммунистов, а вот столов, накрытых кумачем, в Москве я вообще не замечал, здесь они — пожалуйста, прямо на улице, даже графин на столе — вот как, в Италии-то.

О «человеческом» лице местных коммунистов и их отрицательном к советской диктатуре отношении, о котором так любят рассуждать сейчас многие, очень многие, думаю, не мне говорить. Пусть говорят те, кто больше с ними сталкивался — В. Максимов, писавший об огромных пробелах в итальянском варианте «Континента», А. Синявский, Гикак не умевший выступить на итальянском «буржуазном» телевидении и выступивший, наконец, чуть ли не ночью. А. Глезер, так и не устроивший выставку картин (даже картин). И если что-то все же устраивалось, какой-то «Континент» все же выходил, трудно обвинить в этих «грехах» итальянских коммунистов, они делали все, что могли. И если в магазинах сейчас еще что-то есть, то и тут, я думаю, «прогрессивные» силы не виноваты, они еще свое слово скажут.

Обидно в конце концов не то, что коммунистическая пропаганда здесь так широко поставлена, оно и понятно — свобода, условия для всех равны, вот они и пользуются, объединяются. А честный человек объединяться не привык, не на кого ему объединяться, он и так честный. Обидно другое: что противостоять им, как следует, ничто не противостоит, только инерция.

НАША СТРАНА

ОРГАН РУССКОЙ
МОНАРХИЧЕСКОЙ МЫСЛИ
Издатель-Редактор
Т. В. ДУБРОВСКАЯ
Соредактор
Н. Л. КАЗАНЦЕВ

Статьи, подписанные фамилией или инициалами, не обязательно всегда полностью выражают мнение редакции. Редакция не отвечает за содержание публикуемых объявлений, сообщений и иных документов, исходящих от учреждений или частных лиц. Редакция не возвращает присланные ей материалы.

Телефон Редакции: 52-7426.

БЛАГОДАРНОСТЬ

Выражаю свою сердечную благодарность всем друзьям (из Мюнхена, Парижа, Австралии и Соединенных Штатов), так тепло откликнувшихся на известие о кончине моего дорогого отца Евстафия Игнатьевича Мамукова.

ТАМАРА МАМУКОВА

Недавно встретил плакат: арестанты, скованные цепью, и на каждом названии той страны, что больно сейчас же отдается для многих: «Польша», «Венгрия», «Чехословакия»... «Южный Вьетнам», «Ангола» — и к последнему тянется цепь, только нет последнего — вопрос на цепи. Хороший плакат и ответ хороший — всей многословной, горластой их пропаганде, да только видел этот плакат один раз, и то полусорванный — «прогрессивным», видать, не понравился. В том переулке и мелькнул для меня ярким светом потерянный было Запад. Мелькнул и пропал, может вернуться?

Мне могут указать, что я плохо смотрел, многого не заметил: магазинов, товарами переполненных, прекрасно одетых людей, машины, полицию, которую и в самом деле трудно заметить, настолько она вежлива и не спешит вмешиваться в вашу жизнь, и многого еще не заметил — да я и не спорю, только опять-таки — видит каждый, что хочется видеть. И я хотел, да многого не заметил.

АЛЕКСАНДР СУСЛОВ

АЛЕКСАНДР УДОДОВ

Вавилонская революция

Познакомившись с мыслями П. Панина (серия статей «Революция»), я был удивлен их сходством с некоторыми статьями журнала «Вече», особенно с «Разговором с Федором Михайловичем». Материалы Осипова почти недоступны на западе, а потому приведу характерный отрывок из «Разговора с Достоевским», чтобы не остаться голословным (и так некоторые «диссиденты» говорят, что я все выдумал и никакого русского национального движения нет, а все, дескать, желают одной только вавилонской демократии).

«Вавилон... О, это непревзойденная мысль и непревзойденное, скажу вам, чувство. Нет, ничего увлекательнее и работоспособнее! Это величайшее слово мира, величайшее навание его первой общественной страсти, имя величайшей и вождельнейшей его идеи. Мир — пленник этой первой и самой объединительной своей идеи. Вечный и очарованный пленник, он дрожит перед ней, как страстный влюбленный перед овладевшей им. Вавилон — это самое сильное всеобщее единение, которое легко вмещает в себя весь мир, и притом без всяких властей и начальств, и только одна здесь безвластная царица — страсть.

Страсть построения «башни до неба», чтобы своею силою войти туда. В этом сразу и бунт, и гордость, и упоение. Величайшая страсть и величайшая, вождельнейшая мечта в безыскусной еще тогда оболочке древних слов. И сколько сильнейшей страсти, сколько дерзновенной и гордой мечты в этих словах, произнесенных тогда на равнине Сеннаарской! С тех пор Вавилон, оставленный лишь из-за прямого вмешательства Бога (иначе бы ни за что не отстали!) стал тем более вождельнейшей мечтой человечества, мечтой мира, скрытой идеей, осуществлявшейся в нем даже подсознательно во все века, в самых различных видах, а ныне уже в виде спутников — только бы возвыситься и дотронуться до неба и сделать себе имя. Вспомните, какое неистовство было в людях, и земля потрясалась ревом вавилонского торжества...

Мир неисцельно заражен Вавилоном, и все уже вольно и невольно направлено на совершение второго Вавилона, как и предсказано.

И в другом месте журнал «Вече» утверждает: «Наш голос — протест против Антихриста, который еще не пришел». Но не то же ли самое утверждается в философских статьях «Нашей Страны?»

АЛЕКСАНДР УДОДОВ

Зарубежная Жизнь

РАССЕЯНЫ, НО НЕ РАСТОРГНУТЫ

Комиссия по устройству 5-го всезарубежного Съезда Кадет Российских Кадетских Корпусов, сообщает что Съезд состоится с 8-го по 14-е августа с. г., в гостинице «Шантеклер», в предместьях города Монреаля в Канаде.

Тема Съезда — «Помните чье имя носите». Цель Съезда — соединение кадет в тесную семью: «Рассеяны, но не расторгнуты».

Информацию о Съезде можно получить у председателей местных Кадетских Объединений, а также по следующему адресу:

Mr. W. I. SMUNCHILLA
159, ROSEMONT AVE.
WESTEN, ONT.
CANADA M9N 3C2

АНОНС!

АНОНС!

АНОНС!

11-го октября 1976 года

ВЕСЕННИЙ БАЛ

устраивает Родительский Комитет
Св. Сергиевской Церковно-Приходской Школы

ИНВАЛИДНЫЕ КАЛЕНДАРИ

на 1976 год
Цена — 200,00 пэсо

Продаются в Канцелярии Союза Р. Б. В. Инвалидов
Calle 47 (ex Combet) 625. Villa Ballester.